

Н.Д. Тамарченко (Москва)

СЮЖЕТ ИСПЫТАНИЯ: ОПЫТ ТИПОЛОГИИ

(на материале русской повести Серебряного века)

Разграничение двух типов сюжета – испытания и становления героя, – предложенное в свое время М.М. Бахтиным¹, ныне широко известно. Но теоретическое осмысление каждого из них, по-видимому, пока скольконибудь существенно не продвинулось. Это в какой-то мере оправдывает мою попытку высказать некоторые предварительные соображения относительно того, как соотносятся два типа сюжета друг с другом.

Заметим прежде всего, что термины «испытание» или «становление» характеризуют *тип основной сюжетной ситуации*, которая служит источником и стимулом развертывания цепи событий в эпическом произведении. Речь идет о соотношении противоположных мировых сил и одновременно противоположных начал в герое. На почве этого соотношения могут возникать разного рода коллизии, но само оно непосредственно выражает устойчивое состояние мира и определяет структуру персонажа.

Испытание – в любом его варианте – предполагает, конечно, *обнаружение* или раскрытие уже *данной*, наличной, хоть и не всегда видимой и постигаемой *сущности* героя и мира. Становление, напротив, означает *поиск себя* героем, а иногда и миром, их *неготовность* и *предстояние* себе.

По-видимому, в случае испытания присутствие противоположных сил или начал в герое и в мире **не исключает их тождества** себе: как сохраняемого и подтверждаемого ходом событий, так и восстанавливаемого в итоге развития сюжета на более высоком уровне. И лишь непрерывное и потенциально бесконечное становление **не допускает сведения в единство** противопоставленных аспектов героя и мира: в этом случае **сохранено** в резуль-

тате сюжетного развития может быть как раз **несовпадение** героя и мира с собой.

Картина осложняется тем, что если до середины XVIII века роман основывался на принципе внутренней неизменности героя, тождества его себе (изменялись только обстоятельства жизни героя), то в XIX веке даже в «чистых романах испытания» Достоевского аспекты образа не сведены в единое целое, мир и человек не завершены и принципиально незавершенны. Конечно, в не меньшей мере это относится к таким образцам романа становления, как произведения Л. Толстого.

В результате становится невозможной этическая определенность романного сюжета². Вполне вероятно, что именно эта особенность жанра привела к вытеснению романа повестью в литературе Серебряного века. Жанру повести в русской литературе, с моей точки зрения, присуща, напротив, этическая ответственность и даже учительность³.

Следующий шаг – постановка вопроса об исторических вариантах сюжета испытания. Избранный в докладе материал в этом отношении кажется чрезвычайно интересным и репрезентативным хотя бы потому, что жанр повести на рубеже XIX–XX веков исключительно продуктивен.

Чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить, например, роль повести в 1820-е – 1830-е гг. и в литературе рубежа веков. В первом случае к художественной классике мы можем причислить лишь произведения Пушкина и Гоголя (все остальное – не более чем беллетристика). В прозе же Серебряного века над уровнем беллетристики возвышаются не только все повести Л. Толстого, Чехова и Бунина, но и важнейшие произведения Андреева и Ремизова, «Котик Летаев» А. Белого, а также повести М. Кузмина и Ф. Сологуба и даже «Человек из ресторана» И. Шмелева.

Если принять нашу гипотезу, согласно которой повесть вообще строится на сюжете испытания, то в литературе интересующей нас эпохи суще-

ствуется, по-видимому, *три основных типа ситуаций испытания*, каждый из которых может иметь несколько вариантов.

Виды испытания (как основной сюжетной ситуации) можно различать в зависимости от предмета, который находится в центре авторского внимания и оценки.

Во-первых, это проверка и раскрытие сущности изображенного *социума*. В данном случае словом «социум» мы обозначаем определенный общественный уклад вместе со «средой обитания», т.е. с пространственным локусом и запечатленным в нем историческим временем: такими могут быть в равной степени деревня и город, как провинциальный, так и столичный. При этом социум должен быть одновременно замкнутым (что соответствует его специфичности) и репрезентативным по отношению ко всему национально-историческому миру (России), который он представляет и метонимически замещает.

При художественной задаче этого рода метонимична и структура персонажа: герои значимы как выразители смысла существования своего мира (мирка) или носители характерных для него свойств⁴. Наконец, испытанию подвергаются одновременно и мир персонажей, и они сами.

Во-вторых, выделяется испытание именно *героя*. Его мир или среда могут в этом случае рассматриваться лишь как обстоятельства, проявляющие его характер или мировосприятие (т.е. иметь служебное значение). Кроме того, не только характер, но и мировосприятие героя будет значимо не само по себе, а *по отношению* к персонажу – как свойство его личности, а иногда и как предмет его самосознания.

В-третьих, проверке в сюжете (случаем, изменением жизненных условий или обстоятельств) может подвергаться определенная *идея*. Персонаж или группа персонажей, а иногда и целый социум (например, в антиутопии) здесь – лишь выразители или носители этой идеи, инициаторы или жертвы идеологического эксперимента⁵.

Перечислим теперь примеры основных типов и вариантов ситуации испытания, ссылаясь при этом на наиболее известные тексты. Проверить продуктивность и надежность такого подхода к материалу может лишь специальное исследование. Пока предложенная классификация – при всем ее несовершенстве – позволяет сгруппировать материал, без чего неосуществимы сравнения. Но лишь на основе сопоставимых, а то и прямо сравнительных анализов текстов и произведений можно надеяться получить научно значимые обобщения.

I. Испытание «социума».

Кризис всего национально-исторического мира, представленного замкнутым локусом или средой, так сказать, «микромиром», предполагает, по-видимому, следующие варианты:

а) Внутреннее самораскрытие и саморазоблачение «микромира»: «В овраге» А. Чехова, «Деревня» и «Суходол» И. Бунина, «Городок Окуров» М. Горького, «Неуемный бубен» А. Ремизова.

б) Раскрытие кризисной природы определенного социума с помощью принципиально чуждой ему (как бы «иномирной») точки зрения персонажа: «Человек из ресторана» И. Шмелева.

II. Испытание героя.

Здесь необходимо учесть различие между авторскими акцентами либо на характере, либо на мировосприятии героя. Возможен и такой промежуточный случай, когда проблемой становится как раз недостаток или даже отсутствие у героя духовной свободы и определенной системы ценностей. Наконец, испытание взглядов героя на жизнь может быть либо создано обстоятельствами, либо инициировано им самим.

Отсюда следующие варианты:

а) испытание характера авантюрными обстоятельствами, т.е. встречей с *чужим миром* («Хаджи-Мурат» и «Фальшивый купон» Л. Толстого⁶, по-

вести М. Кузмина «Приключения Эме Лебёфа» и «Путешествие сэра Джона Фирфакса»);

б) испытание духовно ограниченного персонажа контактом с *чужим, более свободным мировосприятием*. В результате происходит или преодоление ограниченности сознания («Гранатовый браслет» А. Куприна, такие повести З. Гиппиус, как «Мисс Май»), или, наоборот, ее усиление вплоть до полной утраты героем внутренней жизни («Ионыч» А. Чехова, «Уездное» Е. Замятина, «Игнат» И. Бунина)⁷. Промежуточный вариант – временное обретение самосознания и возврат к начальной ситуации – представлен, на мой взгляд, «Коноваловым» М. Горького.

в) Испытание сознания и мировосприятия героя жизненной (природной, социальной, семейной) катастрофой. Либо она вызывает мировоззренческий кризис («Хозяин и работник» Л. Толстого, «Дуэль» А. Чехова, «Худая трава» И. Бунина), либо, наоборот, кризисное состояние мировоззрения приводит к жизненной катастрофе («Без дороги» В. Вересаева, «Поединок» А. Куприна).

Наконец, катастрофа героя, означающая кризис его мировосприятия, может быть знаком (символом) катастрофичности современной жизни в целом. Те или иные частные, случайные причины события и вызвавшие его обстоятельства в этом случае рассматриваются также не с точки зрения своей характерности или, наоборот, исключительности для обыкновенной жизни, а в свете своей знаковости или символичности. Так обстоит дело в «Тьме» Л. Андреева (1907) и повестях А. Ремизова «Крестовые сестры» (1910) и «Пятая язва» (1912);

г) эксперимент героя с собой и другими, а также испытание (в кругозоре автора) самого экспериментатора – его жизненной позиции и/или его сознания: «Черный монах» А. Чехова, «Мысль» Л. Андреева, «Зеркала» З. Гиппиус, «Последние страницы из дневника женщины» В. Брюсова, «Котик Летаев» А. Белого.

III. Испытание идеи героя (и героя как идеолога):

а) судьба героя как проверка его дискуссионного тезиса (повесть-дискуссия): «Крейцера соната», «Палата № 6»;

б) испытание героем (его жизнью и/или смертью) идеи о высшей Правде («Отец Сергей» Л. Толстого, «Исповедь» М. Горького) и самой этой Правды, т. е. Бога: «Жизнь Василия Фивейского» и «Иуда Искарот» Л. Андреева;

в) испытание жизнью социального проекта (утопии): «Республика Южного креста» В. Брюсова.

¹ Два типа сюжета – становления и испытания – противопоставлены в работе М.М. Бахтина «К исторической типологии романа». См.: *Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества*. М., 1979.

² См. об этом: *Рымарь Н.Т. Реалистический роман XIX века: поэтика нравственного компромисса // Поэтика русской литературы. К 70-летию проф. Ю.В. Манна: Сб. статей*. М., 2001.

³ См.: *Тамарченко Н.Д. Повесть как литературный жанр // Поэтика русской литературы: Сб. статей к 75-летию проф. Ю.В. Манна*. М., 2006.

⁴ См. об этом: *Тамарченко Н.Д. Кризис «микромира» в русской повести рубежа XIX–XX веков // Филологический журнал*. 2005. № 1. С. 78–89.

⁵ Подробно об этом: *Тамарченко Н.Д. Испытание идеи в русской повести рубежа XIX–XX веков // Филологические записки*. Вып. 23. Воронеж, 2005. С. 70–92.

⁶ Такой взгляд на основную сюжетную ситуацию «Хаджи-Мурата» в научной литературе уже был высказан. См.: *Боcharова С.Н. Жанр повести в творчестве В.Г. Короленко в контексте эстетических исканий рубежа XIX–XX вв.* М., 1994. С. 14.

⁷ Спорный вопрос о жанре названных в этом пункте произведений Чехова и Бунина требует специального рассмотрения.